

**КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА,
ПРАГМАТИКА, ТЕКСТ**

УДК 81.39

**ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЁМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ
В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(на примере творчества С.Д. Довлатова)**

А.В. Бастриков, Е.М. Бастрикова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье предпринята попытка выявить приемы идентификации личности в пространстве художественных текстов С.Д. Довлатова путем обращения к одному из базовых концептов, представленных практически во всех языковых картинах мира, – концептом «свой – чужой», который реализуется в тексте в виде нескольких лексико-семантических групп. Интерпретируется соответствующее семантическое поле, содержащее различные языковые знаки, которые организуют индивидуальное отношение автора к самому себе и другим: реальным людям, окружавшим его, и персонажам, которые появляются в его прозе. Представлены варианты трактовки оппозиции «свой – чужой» в структуре концепта. Особое внимание обращено на изобразительно-выразительные средства: эпитет, метафора, сравнение, оксюморон, ирония, парадокс и др. Выявлены такие приемы языковой игры, как анекдот, каламбур, пародия. Определена значимость прецедентных феноменов (от имен к выражениям и ситуациям), при этом многие из них переосмысляются и подвергаются трансформации.

Ключевые слова: авторская картина мира, художественный текст, концепт, семантическое поле, лексико-семантическая группа слов, экспликация, интерпретация

Довлатов... создает свой мир,
демонстрирует свой взгляд на вещи,
меняя нам зрачок

Л. Лурье

В ситуациях межнациональных коммуникаций особенно важно знание ментальных, психологических, поведенческих особенностей представителей этносов ближних и дальних стран-соседей. Но что еще важнее: как народ идентифицирует самого себя и других, пытаясь выстроить сложные взаимоотношения с миром.

Оппозиция «свой – чужой» – одно из важнейших понятий для исследования языка и культуры. В разных научных дисциплинах оно интерпретируется

по разным основаниям: в этнологии – по принадлежности к роду, общине, в социологии и лингвокультурологии – по усвоенным ментальным конструктам, в антропологии – по коэффициенту родства и т. д. СВОЙ и ЧУЖОЙ – противопоставление, которое, «в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. В том числе, конечно, и русского» [1, с. 126].

Само понятие «свой» первоначально являлось осознанием кровного родства определенной группы людей (рода, клана), в пределах которой человек одновременно осознает себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя «другим» – «чужим, врагам, рабам». Так, Э. Бенвенист обнаруживает общую этимологическую основу понятий «свой» и «свободный человек». Исследователь приходит к выводу, что включенный в общность родных и друзей человек не только становится свободным, но и обретает «самость» (то есть свое личностное качество, принадлежность самому себе): человек становится «своим» [2, с. 368].

В своем фундаментальном труде «Древнерусская цивилизация. Наследие в слове» В.В. Колесов, анализируя социальные термины Древней Руси, пишет: «Свой всегда противопоставлен чужому, эта противоположность в человеческом коллективе является одной из древнейших. <...> Свой – это тот, кто близок тебе, является как бы вторым “я”, всегда одно конкретное лицо. Чужой противопоставлен личности и лицу, “чужое” – масса, неразличимая в схватке и на вид таковая, как в былине» [3, с. 52]. И далее: «Свой – всегда свой, он указывается безо всякой оценки и без уточнений. Достаточно того, что он твой друг, постоянно с тобой, твой родич и потому связан своей судьбой с тобой навсегда <...> Чужак же всегда имел оценочные определения» [3, с. 56].

В рамках лингвокультурологии и концепции языковой картины мира данная оппозиция играет ключевую роль в осмыслении человеком самого себя и места в социуме: «С давних пор человек воспринимает мир, пространство вокруг себя как “свой” и “чужой”, “свое” – “чужое”, “своих” – “чужих”. Основа подобного мировидения покоится как на объективных данных, так и на субъективных предпосылках. Оппозиция “свой”/“чужой” – категория, лежащая в основе восприятия и обработки информации об окружающей действительности, это знаковая оппозиция, которая особым образом реализуется в языковой картине мира» [4, с. 51].

В прозаических текстах русского писателя XX в. Сергея Донатовича Довлатова, в частности его эмигрантских произведениях, актуализирован концепт СВОЙ – ЧУЖОЙ, поскольку именно в них наиболее ярко выражена исследуемая оппозиция. Как видим, данный концепт занимает важное место в сознании человека, поэтому он не мог не отразиться и в творчестве автора, где большое внимание уделяется отношениям между людьми (в коллективе или семье). Экпликация такого концептуального противопоставления происходит и на уровне сильной позиции текста (названия), например «Наши», и на уровне сюжета (постоянное взаимодействие со «своими» и «чужими» людьми), и на уровнях авторской картины мира.

Индивидуальная картина мира С.Д. Довлатова и отображение в ней концепта СВОЙ – ЧУЖОЙ проявляется во всех возможных ипостасях. Целью настоящей статьи является рассмотрение на примере художественных текстов

С.Д. Довлатова концепта СВОЙ – ЧУЖОЙ, а именно определение формы выражения концепта, наполнение обнаруженных зон соответствующего семантического поля, установление рядов словесных знаков, эксплицирующих свойства, признаки, качества, которые в текстах (с точки зрения автора или персонажа) присущи «своему» и «чужому». Кроме того, мы, сопоставляя данные понятия, попытались определить, «кто есть кто» в анализируемых текстах: кто автору или герою чужд и кто свой – по канонам общерусским, национальным, а также выявить авторский подход к осмыслению межличностных отношений и способы их идентификации.

Первоначально необходимо изучить «среду обитания» концепта (имеющую полевую структуру), вне которой он существовать не может, что является отражением авторской языковой картины мира. В результате взаимодействия человека с действительностью складываются его представления о мире, формируется модель познанного и осмысленного. Картина мира всегда является интерпретацией (индивидуальной или коллективной) любой ситуации, различных субъектов, то есть она по своей природе аксиологична, поэтому конструирование того или иного фрагмента новой действительности непосредственно связано с системой ценностей языковой личности (писателя).

Анализируемый концепт обнаруживает себя в языковой (и концептуальной) картине мира писателя через наличие в его художественных текстах взаимодействующих друг с другом частей семантического поля «свой» и «чужой», включающего в себя разнообразные лексико-семантические группы (ЛСГ). Сам концепт занимает не последнее место в рамках концептуальной картины мира С.Д. Довлатова. Это подтверждает анализ индивидуального мировидения автора, которое выражается в его мнениях относительно окружающего мира. Привлеченные нами тексты являются яркой иллюстрацией репрезентации концепта СВОЙ – ЧУЖОЙ, который коррелирует с другими важными для автора концептами – КРУГ, ПРОСТРАНСТВО, ЧЕЛОВЕК и др.

В ходе анализа текстов С.Д. Довлатова было установлено, что во всех вариантах трактовки оппозиции «свой – чужой» концепт эксплицируется в виде двух или трех противопоставленных, но тесно взаимодействующих зон семантического поля. Как правило, это деление на часть поля «свой» и часть поля «чужой». Каждая из заявленных зон представляет собой сложное целое, состоящее из нескольких лексико-семантических групп, характеризующих специфические особенности своего или чужого в текстах.

Рассмотрев наиболее интересные и отчетливые варианты возможных номинаций концепта, мы обнаружили ряд «ипостасей» антиномии «свой – чужой», которые можно представить в виде оппозиций, трактуемых как формы выражения рассматриваемой бинарной системы:

«Свой»	«Чужие»
1) я	– все другие
2) (на зоне) я	– надзиратели + зэки
3) я + семья, друзья = мы	– вы, серые, они
4) я + простые советские граждане	– советчина, высшие эшелоны власти
5) интеллигенты	– не интеллигенты
6) русские, большинство	– евреи, гонимые, меньшинство

7) я + смеющиеся = мы	–	угрюмцы, они, вы
8) СССР, Россия, Ленинград	–	Америка, эмиграция
9) я + эмигранты третьей волны	–	вся остальная Америка

Основаниями для подобного противопоставления являются различные координаты: социальный статус, уровень образования, стереотипы поведения, национальность, духовная близость, идеология, пространство и др.

В рамках семантического поля не всегда удастся выделить четкие границы ЛСГ. По нашему мнению, это объясняется тем, что в текстах разных периодов творчества С.Д. Довлатова концепт СВОЙ – ЧУЖОЙ эксплицируется не всегда в рамках одного слова, словесного ряда или цепочки слов.

Мы установили, что исследуемый концепт у автора в своей основе соотносится с общечеловеческим восприятием «своего» как *родного, известного, безопасного*, а «чужого» как *подозрительного, враждебного, непонятного, незнакомого, непознанного, неизвестного, неведомого, постороннего, непривычного, отталкивающего* и под.

В текстах С.Д. Довлатова оппозиция «свое – чужое» реализуется как норма – антинорма в словесных парах: *охранник – заключенный, рядовой гражданин – представитель системы, наши – не наши, гражданин СССР – эмигрант, русский – иностранец, русский – еврей, русский – эстонец* и т. д.: «...Антиномиями довлатовской прозы являются понятия “норма” и “абсурд”. Иногда прозаик называет мир “абсурдным”, но иногда – “нормальным”. <...> По Довлатову, жизнь человеческая абсурдна, если мировой порядок – нормален. Но и сам мир абсурден, если подчинен норме, утратил качество изначального хаоса» [5, с. 12–13]. Ср. с текстом самого С.Д. Довлатова: *Я шел и думал – мир охвачен безумием. Безумие становится нормой. Норма вызывает ощущение чуда...* («Заповедник», Дов., т. 1, с. 410).

Остановимся подробнее на первом выявленном нами противопоставлении: «я (свой) – «все другие (чужие)». Весь мир делится, по мнению автора, на две не равные половины, точнее на МИР «нормальных людей» и МИР одного человека. Таким образом, исследуемая оппозиция эксплицируется в виде двух частей семантического поля: «чужие» и «свой» (только для себя).

«Свой» – это сам автор, Сергей Довлатов, или же герой (*Борис Алиханов, Далматов*), за которым легко угадывается писатель. С.Д. Довлатов почти во всех своих текстах неоднократно подчеркивает свою «инакость», непохожесть, отделенность от общества, от масс, от толпы – от любого объединения людей, включая собственную семью. Автор (который в данной паре – «свой», свой только самому себе) противостоит огромной массе других – «чужих» – «нормальных людей». В этом плане С. Довлатов обращается к проблеме «лишних людей», каковыми являлись многие герои русской классической литературы: «Сергей Довлатов утверждал, что в его повествованиях никакой морали не заключено. <...> Иного принципа отношений между людьми, чем принцип равенства, он не признавал. Но понимал: равными должны быть люди разные, а не одинаковые. <...> Довлатов знал, что похожие друг на друга люди полезны всем, непохожие – пробуждают враждебность. Но соль жизни – в последних, в “лишних”. <...> Довлатов и сам был “лишним”. Не чудаком, как его герои, нет» [5, с. 13–14].

Сам писатель ощущает себя чужаком, человеком с причудами, которого не поняли другие:

Мне сорок пять лет. Все нормальные люди давно застрелились или хотя бы спились. А я даже курить и то чуть не бросил («Филиал»; Дов., т. 3, с. 119).

Я чувствовал себя абсолютно лишним («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 411).

Подобный взгляд иногда переходит на ближайшее окружение Довлатова: на тех и то, что ему принадлежит или имеет к нему какое-либо отношение. В таком случае часть семантического поля «свой», включающая обычно только одного члена – «своего самому себе» – начинает вбирает в себя еще кого-то или что-то, например:

а) возлюбленную Тасю:

Была у нее (у Таси) такая фантастическая способность – исчезать.

Это могло случиться на диссидентской кухне. В музейном зале. Даже в приемной у юриста или невропатолога.

Неожиданно моя подруга исчезает. Затем вдруг появляется откуда-то. Точнее, оказывается в поле зрения («Филиал»; Дов., т. 3, с. 185).

б) деда Исаака, на которого писатель был сильно похож:

Он мог положить в рот целое яблоко. <...>. Трахнул кулаком по столу. Кулак очутился в ящичке письменного стола. <...> Дед Исаак очень много ел. Батоны разрезал не поперек, а вдоль. В гостях бабка Рая постоянно за него краснела. Прежде чем идти в гости, дед обедал. Это не помогало. <...> Вернувшись домой, с облегчением ужинал... («Наши»; Дов., т. 2, с. 159).

У меня есть несколько фотографий деда. Мои внуки, листая альбом, будут нас путать... («Наши»; Дов., т. 2, с. 160).

в) собаку Глашу, отличавшуюся большой разумностью, преданностью, «похожестью» на Сергея Донатовича:

С каждым годом она всё больше похожа на человека. (А ведь не о любом из друзей это скажешь) («Наши»; Дов., т. 2, с. 221).

Не печалься, всё будет хорошо. И прости, что у меня нет хвоста.<...> Прости, что у меня есть ботинки, сигареты и рассказы Фолкнера.

В остальном мы похожи. Немолодые раздражительные чужестранцы с комплексами... Сообща таскаем колбасу из холодильника... («Наши»; Дов., т. 2, с. 228).

Писатель высказывает мысль о том, что бывали моменты, когда он был вхож в широкое общество «чужаков» – в редкие минуты становился здесь «своим», но это возможно было только в присутствии жены:

Я давно заметил, что вместе мы симпатичны окружающим. Когда я один, всё совсем по-другому («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 386).

Среди слов части проанализированного семантического поля, содержащих сему 'свой', можно выделить следующие ЛСГ.

1. Слова-номинации (существительные), обозначающие «своего», при этом очень часто в ситуации противопоставления или сопоставления с кем-то (включают оценку персонажа или самооценку): *неудачник; всего лишь папа; ваш папа; изнемогающий папа Сережа; самая большая неприятность для жены; шутник; «Трубадур отточенной банальности»; как муж я – сомнительное приобретение; симпатичное национальное меньшинство; потускневшая индивидуальность; русский писатель; страшный халтуристик; непризнанный гений; рассказчик; чужестранец с комплексами; рядовой литератор; рядовой журналист; холодный, жестокий, изворотливый человек; «непохожий на филолога» и др.:*

Должен признаться, что я не совсем журналист («Фиалил»; Дов., Т. 3, с. 108).

– Я, – говорю, – репортер.

– Журналист?

– Нет, именно репортер. Журналистика – это стиль, идеи, проблемы... А репортер передает факты. Главное для репортера – не солгать. В этом состоит пафос его работы. Максимум стиля для репортера – немота. В ней минимальное количество лжи... («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 371).

Автор, пусть и формально принадлежащий к той или иной социальной группе, неоднократно пытается уверить себя и других в своей непричастности к ней. В тексте подобное стремление оформляется либо в вопросе с оттенком недоумения, переспроса, либо в прямом отрицании, либо в словах с соответствующей негативной коннотацией (*Разве...? Неужели...? А что, если...? А если...? Наверное, возможно, скорее всего, вряд ли*):

Разве я похож на филолога? («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 328).

А что, если во мне за километр ощущается неудачник? Что, если обо мне стараются забыть, как только я уйду? («Фиалил»; Дов., т. 3, с. 197).

Я понимаю, что все мои рассуждения достаточно тривиальны. Недаром Вайль и Генис прозвали меня «Трубадуром отточенной банальности». Я не обижаюсь. Ведь прописные истины сейчас необычайно дефицитны («Зона»; Дов., т. 1, с. 56–57).

А хороший человек, кому он нужен, спрашивается?.. («Компромисс»; Дов., т. 1, с. 304).

При характеристике «своих» для автора совершенно неважно место (пространство), в котором они находятся, ценным является сплоченность, идея «круга» – неразрывного и священного круга своих. Так, С.Д. Довлатов, описывая в письме жене основные принципы своей жизни, на первое место ставит следующее: «Быть с вами». Таким образом, главное для него – не потерять связи со «своими» (самыми близкими), а место нахождения «своего круга» не столь значимо (см. [6]). Поэтому совершенно понятно, что писатель назвал книгу о своих родственниках «Наши».

2. Слова-атрибуты (признаки, качества, характерные особенности «своего»), которые являются либо характеристикой самого себя, либо оценочным суждением входящего в ближний круг человека: *мое; моя; мой; одинокий; «брошенный, но любимый»; до чего огромный! огромный толстый дядя; пьющий; нет авторитета вне критики; здоровый цинизм; помогающий избегать громких слов; вечное пьянство; холодный, жестокий, изворотливый человек; суеверный, как все неврастеники; жутко опасный человек; нерелигиозный; неверующий; никогда не было ощущения, что я принадлежу к какой-то национальности; я человек слабый; любовь к словам; безумная, нездоровая, патологическая любовь и др.:*

Днем я бегал в поисках халтуры. Возвращался расстроенный, униженный и злой («Наши»; Дов., т. 2, с. 232).

Отметим, что в данную ЛСГ входят прилагательные с противоположным значением, что так характерно для языковых единиц, отличающихся диффузной семантикой (например: *человек слабый и жутко опасный человек, жестокий, изворотливый человек и я был не очень злым человеком*), которыми «своего самому себе» (читай: чужака для всех остальных) характеризуют разные люди: он сам и его жена, знакомые, враги и друзья.

Подобная противоречивость весьма характерна для текстов прозы С.Д. Довлатова. Он старается достичь максимальной объективности в изображении как других, так и себя самого, например:

В качестве мужа я был приобретением сомнительным («Наши»; Дов., т. 2, с. 234).

В поразительную эпоху мы живем. «Хороший человек» для нас звучит как оскорбление. «Зато он человек хороший», – говорят про жениха, который выглядит явным ничтожеством... («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 373).

Столь противоречивые характеристики подтверждают идею индивидуальности языковой и концептуальной картины мира отдельно взятого человека – каждый словно называет вещи «своими» именами. При этом автор заявляет:

Кто живет в мире слов, тот не ладит с вещами («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 336).

Я человек слабый, и стойкий диссидент из меня вряд ли получится («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 382).

Я же был пагубно универсален. То есть разрешал всего понемногу.

Я вытывал, скандалил, проявлял идеологическую близорукость. Кроме того, не состоял в партии и даже частично был евреем. Наконец, моя семейная жизнь всё более запутывалась («Компромисс»; Дов., т. 1, с. 269).

Достаточно часто в отношении «своего» используется лексика, так или иначе содержащая сему ‘абсурд’, ‘абсурдность’, ‘странность’, ‘необычность’, ‘своеобразность’ (хотя необходимо отметить, что это чаще оценка не автора, а персонажа):

В руках у меня был пакет. <...> Мне случалось пить из футляра для очков. <...> Мне доводилось спать в гинекологическом кресле. («Наши»; Дов., т. 2, с. 178). <...> Жизнь абсурдна... («Наши»; Дов., т. 2, с. 179).

Редактор продолжал:

– Еще один вопрос. Скажи мне, что ты думаешь о будущей России? Только откровенно.

– Откровенно? Ничего.

– Своеобразный ты человек. В Калифорнию ехать не хочешь. О будущей России не задумываешься («Филиал»; Дов., т. 3, с. 110).

Я ощутил себя грабителем, застигнутым в чужой квартире («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 348).

С.Д. Довлатов упоминает и о некоторых качествах, которые сближают «своего» (самого себя) с массой «чужаков», то есть указывает на существующие пограничные зоны, размытость полей, зависящих от ситуации, точки зрения, степени близости к себе: *заурядные перспективы; заурядная внешность; всё предвещало обычную советскую биографию; советский; русский; рядовой литератор; рядовой журналист; бездельник; пьющий:*

И еще я подумал с некоторой грустью:

«Бог дал мне то, о чем я его просил. Он сделал меня рядовым литератором, вернее – журналистом. Когда же мне удалось им стать, то выяснилось, что я претендую на большее. Но было поздно.

Претензий, следовательно, быть не может» («Филиал»; Дов., т. 3, с. 187).

Писатель демонстрирует читателю причудливое сочетание несочетаемого: «инакости» и непримечательности, смесь обыденности и безумия:

Заурядная внешность с чуточку фальшивым неаполитанским оттенком. Заурядные перспективы. Всё предвещало обычную советскую биографию («Зона»; Дов., т. 1, с. 34).

В нашем браке соединились черты размаха и убожества («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 375).

3. Слова-номинации (чаще существительные в сочетании с местоимениями), обозначающие сферу, область комфорта, обитания «своего»: *домой; мой сумасшедший дом; Ленинград; пивные ларьки от Разъезжей до Чайковского и от Старо-Невского до Штаба; Таллин*:

А я домой спешу. В мой сумасшедший дом опаздываю («Наши»; Дов., т. 2, с. 231).

4. Слова, обозначающие чувства, переживания, свойственные «своему»: *страх потери; чувство вины перед всем миром; чувство вины начинало принимать характер душевной болезни; мучения; переживания; ощущение недолговечности, хрупкости счастья*; например:

Чувство вины начинало принимать у меня характер душевной болезни («Филиал»; Дов., т. 3, с. 171).

5. Глаголы, характеризующие действия, активность (или чаще – пассивность):

Всю жизнь я ненавидел активные действия любого рода. Слово «активист» для меня звучит как оскорбление. Я жил как бы в страдательном залоге. Пассивно следовал за обстоятельствами («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 382).

Среди глагольных форм явно доминирует группа слов-знаков с негативной конnotationей; так, частотна отрицательная частица *не* (*не умею, не хочу, не могу, не обладаю* и т. п.):

Тебя не публикуют, не издают. Не принимают в свою компанию. В свою бандитскую шайку. Но разве об этом ты мечтал, бормоча первые строки? («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 335).

Параллельно с этим часто встречаются и глаголы с положительной семантикой, характеризующие образованного, умного, доброго человека с богатым жизненным опытом (*мне случалось, знаю, не обижаюсь, спрашиваю, жил без минуты равнодушия, задыхаешься от горя и любви* и проч.). Частотны составные глагольные образования, создающие и передающие ощущение одиночества, потерянности:

Я давно убедился: стоит задуматься, и тотчас вспоминаешь что-нибудь грустное («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 329).

Я шел по деревне, надеясь кого-то встретить («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 342).

Таким образом, в лексико-семантических группах данной части семантического поля «свой» наиболее частотна лексика, актуализирующая следующие семы: ‘родной’, ‘понятный’, ‘близкий’, ‘смешной’, ‘абсурдный’, ‘грустный’ и др.

Мы установили, что при описании «чужих» в данной интерпретации перед нами не всегда враждебная группа – это просто другие люди, они часто нейтральны, равнодушны к одинокому «своему», он им чужд и непонятен, но при этом одинокий чужак не вызывает злобы или ненависти. Ему иногда даже сочувствуют, но принять в круг «своих» не могут по разным причинам.

Среди слов, заполняющих часть семантического поля «чужой» и содержащих соответствующую сему, можно выделить следующие ЛСГ.

1. Слова (существительные), обозначающие «чужих», находящихся в определенной оппозиции к автору или герою: *студенты филфака* (однокурсники); *несколько писателей – жуткая дрянь; редактор; Тася; наша маленькая дочка* (Катя); *жена Елена; моя жена, далекая, решительная и храбрая; воспитатели из садика, которые любят Брежнева; Брежнев; кто-то из друзей; родной дядя* (Леопольд); *нормальные люди; ненормальные*:

Я уже не ждал конкретных доказательств Тасиново вероломства. Моя фантазия услужливо рисовала всё, что нормальным людям требуется для самоубийства («Филиал»; Дов., т. 3, с. 180).

Господи, думаю, здесь все ненормальные. Даже те, которые считают ненормальными всех остальных... («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 342).

2. Признаки, качества, характерные для «чужих»: *обычная советская биография; заурядные перспективы; заурядная внешность; взгляд холодный и твердый, как угол чемодана; спокойный женский голос; молчание; невозмутимое спокойствие; невозмутимая гладь мецанского благополучия (о жене Елене); вроде этого цветочка (колючая, как кактус) – о дочке Кате:*

А лицо спокойное, как дамба («Наши»; Дов., т. 2, с. 232).

Таня удивляла меня своим безмолвным послушанием. Я не понимал, чего в нем больше – равнодушия, смирения, гордыни? («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 372).

3. Существительные, обозначающие сферу, область комфорта, обитания «чужих»: *филфак, университет, издательства, редакции, СССР и др.:*

Я случайно оказался на филфаке и готов был покинуть его в любую минуту («Филиал»; Дов., т. 3, с. 173).

В университете я быстро ощутил себя чужим. Студенты без конца распространялись о вещах, не интересовавших меня («Филиал»; Дов., т. 3, с. 128).

4. Глаголы, характеризующие поступки и слова «чужих»: *непреренно укою; без конца распространялись о вещах, не интересовавших меня; «черт бы его побрал!»; сказал: «проза типа белых стихов».*

Показательно, что для характеристики чужаков С.Д. Довлатов нередко использует слова, характеризующие «своих»: *наша, наши, мы*. Речь идет и о жене, и о друзьях, и о дочери – параллельно автор нередко захватывает и идею чуждости детей родителям в целом. Пропасть между отцами и детьми у писателя нередко огромна: дети и родители находятся на разных полюсах – в оппозиции – и вновь мы наблюдаем разделение на «своих» и «чужих», на «мы» и «они». Иногда свои (родственники) становятся совершенно чужими, хотя в силу родственных отношений должны были находиться в стане «своих»:

Жизнь абсурдна уже потому, что немец мне ближе родного дяди (Леопольда) («Наши»; Дов., т. 2, с. 179).

Автор подчеркнуто использует для характеристики этой ветви «мы» глагольные формы прошедшего времени, демонстрируя лишь ушедшие воспоминания, «прошлость» этой группы:

В семьдесят восьмом году мы эмигрировали. <...> Опять мы вместе («Наши»; Дов., т. 2, с. 243–244).

Глагольные формы будущего времени крайне редки в подобных характеристиках, а если и используются, то сопровождаются отрицанием в разных формах: *вряд ли разбогатею, вряд ли научусь, вряд ли напишу, скорее всего не выйдет* и проч. Если говорить о детях, наоборот, преобладают формы настоящего и будущего времени – продвигаются идеи «кипучести», вечной активности грядущего поколения: *уюю, люблю, едят бананы и халву, дается легко, хорошо живется, так быстро меняются*.

Кроме описанных лексико-семантических групп слов, эксплицирующих концепт СВОЙ – ЧУЖОЙ, в текстах выявлены многочисленные примеры использо-

вания автором изобразительно-выразительных средств, которые выполняют дополнительную функцию – создание комического эффекта.

Во-первых, С.Д. Довлатов, начинавший как журналист, умело пользуется широкими возможностями такого речевого жанра, как анекдот, который органично и легко включается и в авторскую структуру повествования, и в уста различных персонажей. Случай, байка, анекдот выполняют те же функции, что и сам довлатовский текст.

Во-вторых, приемы языковой игры (пародирование, переосмысление, парадокс, каламбур, ирония и др.), к которой постоянно прибегает писатель, только усиливают комический эффект:

Дядя Роман все еще занимался утренней гимнастикой, был подтянутым и стройным. Он мог сесть на ходу в трамвай и урезонить любого хулигана. Однако хулиганы ему не попадались, а трамваев в городе совсем мало... («Наши»; Дов., т. 2, с. 167).

В-третьих, стилистические приемы (тропы и фигуры) самоценны и как изобразительное средство, и как способ характеристики персонажа. К самым частотным в текстах С.Д. Довлатова можно отнести следующие:

- эпитет – *откровенный деляга, крикливые черты патриотизма;*
- метафора – *баранье единогодушие, джунгли американского бизнеса, жизнь была покрыта экзотическим туманом, зарождался обманчивый душевный подъем;*
- олицетворение – *беззвучно подогнулись алюминиевые ножки, изгибалась тускло поблескивавшая арматура;*
- синекдоха – *они пересекают двор <...> шесть козырьков поблескивали на солнце;*
- гипербола – *отсюда можно эмигрировать только на Луну; мы сами живем отвратительно. Хуже всех на свете; усы его достигали погон;*
- антитеза – *всё у нас замечательно! А вот у них – кошмар и дикость!; там в автобусе места старикам уступали. А здесь – никогда; если русские вечно страдают и жалуются, то американцы принципиальные оптимисты;*
- сравнение – *единодушны как волки; взгляд тупой, как угол чемодана; мы почти так же элегантны, как наши автомобили; друзья жизнелюбивые, отталкивающие и воинственные, как сорняки;*
- оксюморон – *импортное советское пьянство;*
- ирония – *вначале я относил это за счет моей потускневшей индивидуальности;*
- парадокс – *имея деньги, так легко переносить нищету;*
- анафора – *он если бьет, то монтировкой. Или трубой. Или доской от забора. Или пивной кружкой. Или вилкой, на худой конец;*
- парцелляции – *а тут у каждого второго – пистолет. Если не бомба; Взглянешь на много соотечественника – действительно, от гориллы. Причем недавно и др.*

Важную роль в довлатовских текстах играют интертекстуальные единицы, которые актуализуют теснейшую связь писателя с русской классической литературой и влияние, которое она оказывала на его творчество. Подобные связи устанавливаются путем включения в текст прецедентных феноменов: от имен (*Бовари, Пушкин, Рахманинов, Хемингуэй, Фолкнер, Булгаков, Сталин, Брежнев*

и др.) до выражений и ситуаций (*день Конституции; А в Россию я не поеду. Там шахматы, балет и «черный ворон»...* («Наши»; Дов., т. 2, с. 177). При этом многие прецедентные феномены С.Д. Довлатовым переосмысляются и подвергаются трансформации:

Дядя Роман Степанович любил повторять: «В здоровом теле – соответствующий дух!..» («Наши»; Дов., т. 2, с. 164).

Исполнилось пророчество: «Не зарастет священная тропа!..» (Искаженная цитата. У А.С. Пушкина – «народная тропа»).

Не зарастет, думаю. Где уж ей, бедной, зарости. Ее давно вытоптали эскадроны туристов («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 339).

Совершенно понятно, почему многие фрагменты довлатовских текстов сами стали крылатыми (афоризмами):

Слабые люди преодолевают жизнь, мужественные – осваивают («Заповедник»; Дов., т. 1, с. 365).

У хорошего человека отношения с женщинами всегда складываются трудно. <...> Женщины любят только мерзавцев... («Компромисс»; Дов., т. 1, с. 303–304).

Чем старше мы делаемся, тем реже задаем вопросы («Филиал»; Дов., т. 3, с. 166).

...В Америке улыбка еще не показатель. Бог знает, что здесь проделывается с улыбкой на лице («Филиал»; Дов., т. 3, с. 182).

Это был спившийся журналист и, как многие алкаши, человек ослепительного благородства («Наши»; Дов., т. 2, с. 197).

Порядочный человек, это тот, кто делает гадости без удовольствия («Ремесло»; Дов., т. 2, с. 71).

Я убедился, что глупо делить людей на плохих и хороших... На злодеев и праведников... Человек неузнаваемо меняется под воздействием обстоятельств («Зона»; Дов., т. 1, с. 57).

Окружающие любят не честных, а добрых («Записные книжки, Соло на IBM»; Дов., т. 3, с. 293).

Семья – это если по звуку угадываешь, кто именно моется в душе («Записные книжки, Соло на IBM»; Дов., т. 3, с. 294).

Как уже было отмечено, в прозе С.Д. Довлатова концепт СВОЙ – ЧУЖОЙ тесно взаимосвязан с концептами ПРОСТРАНСТВО и КРУГ:

Я пытался сориентироваться. В мире было два реальных полюса. Ясное, родное, душающее – ЗДЕСЬ и неведомое, полуфантастическое – ТАМ. Здесь – необозримые просторы мучительной жизни среди друзей и врагов. Там – всего лишь жена, крошечный островок ее невозмутимого спокойствия («Наши»; Дов., т. 2, с. 237).

«Свое» пространство, которое нуждается в защите, обороне от внешнего мира, ограничивается «своим кругом», всё «свое» сосуществует в нем. Всё «свое», оно *понятное, родное, знакомое*. Но при этом лексика, характеризующая «свое» пространство (или нечто, входящее в это пространство), у автора не всегда содержит сему 'хороший', зачастую даже наоборот: «свое» неоднократно изображается как *убогое, плохонькое, бедное, страшненькое, невзрачное* и др.

«Чужое» пространство изображается столь же многогранно. В разных произведениях писателя «чужое» выступает как *неизвестное, непонятное, фантастическое, невероятное, новое, свободное*. Однако в некоторых случаях автор вводит понятие тоски, *ностальгии* по «своему» (например, в эмигрантской прозе), в результате чего появляется новая интерпретация «чужого» как *равнодушного, холодного, пустого, неправильного, страшного, враждебного, пугающего*:

«Боже, в какой ужасной стране мы живем!» («Ремесло»; Дов., т. 2, с. 143), «что-то нарушено в американской жизни» («Ремесло»; Дов., т. 2, с. 144), «Так что же происходит в Америке? Безумие становится нормальным явлением. <...> И я, человек неверующий, повторяю: «Боже, вразуми Америку!» («Ремесло»; Дов., т. 2, с. 145).

Таким образом, анализ семантического поля «свой – чужой» показал, что в основе атрибутов, присущих «своему», находится лексика, соотносимая с семмами «одиноким», «слабым», «беззащитным», «странным», «интеллигентным», «абсурдным» и др. «Чужой» охарактеризован словами, содержащими семмы «другой», «обычный», «нормальный», «равнодушный», «холодный», «спокойный», «непонятный», «далекий», «фантастический», «враждебный» и др.

Отнесенность субъекта или пространства к «своему» или к «чужому» является относительной и зависит от взгляда автора (персонажа), то есть от способа субъективной организации текста: если для «системы» (государственной) герой является «чужим», то для автора (и читателя) он понимается и принимается как «свой».

Один из ключевых вариантов трактовки антиномии «свой – чужой» у С.Д. Довлатова может быть сформулирован в виде следующей авторской позиции: «Я свой только сам себе – чужой всему остальному миру».

Источники

Дов. – Довлатов С.Д. Собрание сочинений. в 3 т. – СПб.: Лимбус Пресс, 1995. – Т. 1. – 416 с.; Т. 2 – 384 с.; Т. 3. – 384 с.

Литература

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Акад. Проект, 2004. – 992 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
3. Колесов В.В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. – 1120 с.
4. Бастриков А.В. Концепт «Свой» – «Чужой» в картине мира М. Осоргина (на материале рассказа «Вещи человека») // Русская и сопоставительная филология, 2006: Сб. материалов докл. и сообщ. участников итог. науч. конф. филол. фак. Казан. гос. ун-та. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – С. 51–56.
5. Арьев А.Ю. Наша маленькая жизнь // Довлатов С.Д. Собрание сочинений. в 3 т. – СПб.: Лимбус Пресс, 1995. – Т. 1. – С. 5–24.
6. Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба. Итоги Первой междунар. конф. «Довлатовские чтения» / Сост. А.Ю. Арьев. – СПб.: Звезда, 1999. – 320 с.

Поступила в редакцию
29.06.17

Бастриков Алексей Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Alexei.Bastrikov@kpfu.ru

Бастрикова Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: Elena.Bastrikova@kpfu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 5, pp. 1069–1082

**Linguistic Methods of Personality Identification in the Fiction Text
(Using S.D. Dovlatov's Works)**

A.V. Bastrikov^{*}, *E.M. Bastrikova*^{**}

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: ^{*}Alexei.Bastrikov@kpfu.ru, ^{**}Elena.Bastrikova@kpfu.ru

Received June 29, 2017

Abstract

This paper considers the methods of personality identification in the works by S.D. Dovlatov, a popular short-stories writer who became famous in the 1990s for his ironical word view and “sharp” language style.

We have analyzed one of the basic concepts of almost all linguistic world views, the concept of “my group’s own — someone else’s” (“a friend – a foe”), which is implemented in the text in the form of several lexical-semantic groups. The corresponding semantic field has been interpreted, and it has been shown as the word field containing various linguistic signs that organize the individual attitude of the author to himself and others: the real people who surrounded him and the characters that appear in his prose.

Some options for interpretations of the opposition “my group’s own — someone else’s” (“a friend – a foe”) in the structure of the concept described have been discussed. Special attention has been paid to the lexical expressive means: epithets, metaphors, comparisons, oxymoron, irony, paradox, etc. Such language-game techniques as anecdote, pun, and parody have been revealed by the analysis. The significance of precedential phenomena has been determined (from names to expressions and situations), and as it has been demonstrated that many of them are reinterpreted and transformed in S.D. Dovlatov’s style.

Keywords: author’s linguistic world image, literary text, concept, semantic field, lexical-semantic word groups, explication, interpretation

References

1. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akad. Proekt, 2004. 992 p. (In Russian)
2. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, Editorial URSS, 2002. 448 p. (In Russian)
3. Kolesov V.V. *Drevnerusskaya tsivilizatsiya. Nasledie v slove* [Ancient Russian Civilization. Legacy of Words]. Moscow, Inst. Russ. Tsiviliz., 2014. 1120 p. (In Russian)
4. Bastrikov A.V. The concept of “Own” – “Alien” in the world view by M. Osorgin (based on the story “A Human’s Things”). *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya, 2006: Sb. materialov dokl. i soobshch. uchastnikov itog. nauch. konf. filol. fak. Kazan. gos. un-ta.* [Russian and Comparative Philology, 2006: Proc. Sci. Rev. Conference Held at the Philological Faculty of Kazan State University]. Kazan, Kazan. Gos. Univ., 2006. pp. 51–56. (In Russian)

5. Ar'ev A.Yu. Our little life. In: Dovlatov S.D. *Sobranie sochinenii* [Collection of Works]. Vol. 1. St. Petersburg, Limbus Press, 1995, pp. 5–24. (In Russian)
6. Ar'ev A.Yu. *Sergei Dovlatov: tvorchestvo, lichnost', sud'ba. Itogi Pervoy mezhdunar. konf. "Dovlatovskie chteniya"* [Sergei Dovlatov: Works, Personality, Fate. Proc. 1st Int. Conf. "Dovlatov Lectures"]. St. Petersburg, Zvezda, 1999. 320 p. (In Russian)

Для цитирования: Бастриков А.В., Бастрикова Е.М. Языковые приёмы идентификации личности в пространстве художественного текста (на примере творчества С.Д. Довлатова) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 5. – С. 1069–1082.

For citation: Bastrikov A.V., Bastrikova E.M. Linguistic methods of personality identification in the fiction text (using S.D. Dovlatov's works). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 5, pp. 1069–1082. (In Russian)